

СОДЕРЖАНИЕ

Мисс Билли	3
Мисс Билли принимает решение.....	205
Мисс Билли замужем	467

Глава I

БИЛЛИ ПИШЕТ ПИСЬМО

Билли Нельсон исполнилось восемнадцать лет, когда тетушка, воспитывавшая ее с рождения, умерла. После смерти мисс Бентон Билли осталась на свете совсем одна. Одна-одинешенька и несчастна. Через два дня после похорон она изливала душу мистеру Джеймсу Хардингу из конторы «Хардинг и Хардинг», которая ведала имуществом Билли — не то чтобы совсем ничтожным.

— Мистер Хардинг, во всем мире нет никого, кому было бы до меня дело, — плакала она.

— Тихо, тихо, дитя мое, все не так плохо, — ласково отвечал старик, — мне есть до тебя дело.

Билли улыбнулась сквозь слезы.

— Но я же не могу с вами жить.

— Почему же, — ответил он, — думаю, Летти и Энн будут очень рады, если ты к нам переберешься.

Девушка засмеялась. Она вспомнила мисс Летти, у которой «были нервы», и мисс Энн, «страдавшую сердцем», представила себя — юную, свежую, здоровую, пытающуюся приспособиться к тихой и осторожной жизни в доме поверенного Хардинга.

— Спасибо, я уверена, что это не так, — возразила она, — вы не представляете, сколько от меня шума.

Мистер Хардинг поерзал в кресле и задумался.

— Но, моя дорогая, у тебя должны быть какие-то родственники. Со стороны матери, например?

Билли покачала головой, и глаза ее снова наполнились слезами.

— Я знаю только про тетю Эллу. У мамы не было ни братьев, ни сестер, а она умерла, когда мне исполнился год, вы сами знаете.

— А со стороны отца?

— Там все еще хуже. Он был единственным ребенком в семье и лишился родителей еще до того, как мама вышла за него замуж. Он умер, когда мне было шесть месяцев, остались только мама и тетя Элла. Потом только тетя Элла. А теперь не осталось никого.

— И тебе ничего не известно о родственниках отца?

— Ничего... Почти ничего.

— То есть что-то ты все-таки знаешь.

Билли улыбнулась, и щеки ее порозовели.

— Да, есть один человек... Но он все равно не родственник. Но мне очень хочется ему написать.

— Кто же это?

— Тот, в честь кого меня назвали. Папин друг детства. Именно поэтому меня зовут Билли, а не как других девочек — Сьюзи, Бесси или Салли Джейн. Папа хотел назвать своего ребенка Уильямом в честь друга, и, когда родилась я, он очень расстроился — так тетя Элла рассказывала. А потом кто-то предложил ему назвать меня Билли. Ему понравилось, потому что он все равно звал своего друга Билли. Поэтому меня так зовут.

— Ты с ним знакома?

— Нет. Папа ведь умер, а мама с тетей Эллой его почти не знали. Но тетя Элла говорила, что мама дружила с его женой и что та была очень мила.

— Хм. Думаю, мы сможем их разыскать. Ты знаешь его адрес?

— Да, только если он не переехал. Мы всегда хранили адрес. Тетя Элла иногда говорила, что когда-нибудь напишет ему обо мне.

— Как его зовут?

— Уильям Хеншоу. Он живет в Бостоне.

Мистер Хардинг сорвал с себя очки и в волнении наклонился вперед:

— Уильям Хеншоу? Уж не Хеншоу ли с Бекон-стрит?

Теперь заволновалась Билли.

— Неужели вы его знаете? Как здорово! Он действительно живет на Бекон-стрит! Я только сегодня видела адрес. Понимаете, я очень хочу ему написать.

— Написать? Конечно же, я сделаю это! — воскликнул поверенный. — И нам не придется его искать, дитя мое. Я много лет знаком с этой семьей, и Уильям учился в колледже вместе с моим сыном. Хороший малый. Нед много о нем рассказывал. Их было трое в семье: Уильям и два младших брата. Я позабыл их имена.

— Значит, вы его знаете! Как хорошо! — воскликнула Билли. — Понимаете, он всегда казался мне ненастоящим.

— Я точно могу сказать тебе, что он существует, — поправил ее поверенный с улыбкой, — хотя вынужден признать, что в последнее время потерял

его след. Я попрошу Неда все узнать. А теперь отправляйся домой, моя дорогая, и вытри свои прелестные глазки. Нет, лучше приходи к нам на чай. Я телефонирую домой! — он с трудом встал и пошел в свой кабинет.

Через несколько минут он вернулся с покрасневшим лицом, довольно мрачный.

— Милое дитя, прости меня, но... но я вынужден отозвать свое приглашение, — жалобно сказал он, — мои сестры... плохо себя чувствуют. У Энн побаливает сердце, ты же знаешь, что у нее большое сердце, а Летти... Летти всегда нервничает в такие моменты. Приношу свои извинения. Ты же простишь их?

— Конечно, спасибо вам, — улыбнулась Билли, ее глаза озорно блеснули. — Вы не обидитесь, если я скажу, что нам всем повезло, раз мне не придется перебираться к вам, мистер Хардинг?

— Ну... думаю, твой план написать Хеншоу очень неплох, — торопливо сказал он. — Я поговорю с Недом. Непременно! — закончил он, церемонно кланяясь и выпроваживая девушку из конторы.

Джеймс Хардинг сдержал слово и в тот же день поговорил с сыном, но Нед почти ничего ему не сказал. Да, он отлично помнит Билли Хеншоу, но не видел его уже много лет, со времени его женитьбы. Сейчас ему должно быть лет сорок. Он всегда был славным малым и наверняка будет ласков со своей маленькой осиротевшей тезкой. В этом Нед был совершенно уверен.

— Прекрасно. Я завтра же напишу ему! — объявил мистер Джеймс Хардинг.

Он написал, но Билли успела раньше. Пока он разговаривал, одинокая девушка в комнатке на другом конце города излила свою тоску на четырех страницах, адресованных «милому дяде Уильяму».

Глава II

СТРАТА

Бертрам Хеншоу называл дом на Бекон-стрит Стратой¹. Это сильно раздражало Сирила и даже Уильяма, хотя они понимали, что это «всего лишь Бертрам». Все двадцать четыре года, что Бертрам прожил на свете, фраза «это всего лишь Бертрам» была его проклятием и спасением.

В этом конкретном случае фантазии Бертрама можно было найти оправдание. Дом на Бекон-стрит, где жили три брата, действительно был Стратой.

— Понимаете, — легко объяснял Бертрам новым знакомым, которых удивляло его название, — если я бы мог отрезать фасад от дома, как кусок кекса, вы бы лучше поняли. Представьте, что старый добрый Банкер-хилл вдруг взорвался огнем и серой и похоронил нас под тоннами пепла. Вообразите, как поразятся археологи будущего, когда раскопают наш дом через много месяцев усердной работы.

¹ Страта (от *лат.* stratum — «слой, пласт») — элемент социальной структуры (социальный слой или группа), объединенный неким общим общественным признаком (имущественным, профессиональным или иным). — *Здесь и далее, кроме особо оговоренных мест, прим. ред.*

Что же они обнаружат? Слушайте же. Первый слой — верхний этаж, который принадлежит Сирилу. Там их ждут голые полы, немногочисленная, но очень тяжелая мебель, пианино, скрипка, флейта, уставленные книгами стены и никаких вам занавесочек, подушечек и безделушек. «Здесь обитал скромный человек, — скажут они, — ученый и музыкант, строгий, никем не любимый и никого не любящий монах».

А дальше? Дальше они раскопают слой Уильяма, четвертый этаж. Попробуйте это вообразить! Вы знаете Уильяма как брокера со Стейт-стрит, обеспеченного вдовца, высокого, угловатого, неспешного и лысоватого, близорукого обладателя самого доброго сердца в мире. Но чтобы понять Уильяма по-настоящему, нужно увидеть его комнаты. Уильям коллекционирует разные вещи. Он всегда их собирал и сберег все до единой. Семейная легенда гласит, что в возрасте одного года он вполз в дом, держа в руке четыре белых круглых камешка. Если это правда, то они до сих пор у него. Продолжил он в том же духе, а ему уже сорок. Миниатюры, резная слоновая кость, жуки, моль, фарфор, нефрит, марки, открытки, ложки, багажные бирки, театральные программки, карты — нет таких вещей, которые бы он не коллекционировал. Сейчас он увлечен заварочными чайниками. Представьте себе: Уильям и чайники! И все это хранится в его комнатах. Великолепный беспорядок! Представляете, как археологи будут стараться поселить туда своего «монаха»?

А потом они доберутся до моего слоя, и станет еще хуже. Я-то люблю подушки и комфорт, и они у меня везде. И вещи я тоже люблю. Мои комнаты

не принадлежат этому монаху ни в коей мере. Видите, — весело заканчивал Бертрам, — поэтому и такое название Страта.

То же самое слово относилось и к друзьям Хеншоу, и даже к самим Сирилу и Уильяму, хотя им это очень не нравилось.

С самого детства мальчики Хеншоу жили в этом уютном просторном доме, выходящем окнами на Общественный сад. В этом доме родился и их отец, и в нем же их родители умерли сразу после того, как Кейт, их единственная дочь, вышла замуж. В двадцать два года Уильям Хеншоу, старший сын, привел в дом невесту, и вместе они старались создать семейный уют для двух осиротевших мальчиков, двенадцатилетнего Сирила и шестилетнего Бертрама. Но миссис Уильям скончалась через пять лет после свадьбы, и с тех пор дом не знал женской руки.

Потихоньку шли годы, и дом мало-помалу стал таким, каким его описывал Бертрам. Ныне тридцатилетний Сирил, гордый, замкнутый, ненавидящий собак, кошек, женщин и беспорядок, сбежал со своей музыкой в мир и уединение пятого этажа. Уильям, обитавший под ним, долго не решался обращаться к своим драгоценным коллекциям, но потом стал проводить среди них почти все время. Бертрам остался полновластным владельцем третьего этажа и занял его своими красками, кистями, мольбертами, драпировками, коврами, подушками и вездесущими «Лицами девушек». Девушки смотрели с холста, дерева и фарфора — милые, упрямые, дерзкие, скромные, веселые, грустные, красивые, почти уродливые, — они были повсюду и потихоньку становились знаменитыми. Мир искусства стал их

замечать и оценивать критически. «Лицо девушки» кисти Хеншоу считалось достойным приобретением.

Под веселым третьим этажом Бертрама располагались темная старая библиотека и гостиные — тихие, чинные, никому не нужные. А еще ниже были столовая и кухня. Тут властвовали Дон Линг, китайский повар, и Пит.

Пит был... Сложно сказать о нем что-то определенное. Он называл себя дворецким и, открывая огромную входную дверь, действительно таковым выглядел. Но в остальное время, когда он подметал полы или вытирал пыль с безделушек Мастера Уильяма, он становился тем, кем был на самом деле — суетливым и верным стариком, который намеревался умереть на той службе, на которую заступил пятьдесят лет назад.

Многие годы дом на Бекон-стрит не знал женской руки. Даже Кейт, замужняя сестра, давно бросила попытки научить чему-то Дона Линга или ругать Пита, хотя она все еще ходила через Общественный сад из своего дома на Коммонвелс-авеню и поднималась по лестнице, чтобы поговорить со своими братьями: Уильямом, Сирилом и Бертрамом.

Глава III

СТРАТА, КОГДА ПРИШЛО ПИСЬМО

Уильям Хеншоу получил письмо от своей тезки Билли с шестичасовой почтой. Письмо его, мягко говоря, поразило. Он еще помнил отца Билли, который умер много лет назад, но о существовании Билли позабыл давно и накрепко. Даже глядя на пись-

мо, написанное круглым аккуратным почерком, он с большим трудом сумел вспомнить, что у Уолтера Нельсона был ребенок, которого назвали в честь него.

И этот ребенок, этот Билли, неведомый потомок почти забытого друга юности, просил приюта в его доме. Немыслимо! Уильям Хеншоу смотрел на письмо, как будто при втором прочтении оно могло изменить свой чудовищный смысл.

— Что такое, старик? — удивленно осведомился Бертрам, стоя в дверях. Уильям Хеншоу, покрасневший, дрожащий, усевшийся на нижнюю ступень лестницы и дикими глазами глядящий на письмо, в самом деле представлял собой удивительное зрелище. — Что случилось?

— Что случилось? — вскричал Уильям, вскакивая на ноги и яростно размахивая письмом. — Что случилось? Юноша, как вы отнесетесь к тому, если мы примем на борт ребенка? Ребенка, — в ужасе повторил он.

— Ну, мне сложно это представить, — засмеялся Бертрам. — Наверное, Сирилу это понравится.

— Бертрам, раз в жизни поведи себя разумно! — нервно попросил его брат. — Я тебе серьезно говорю!

— Что серьезно? — спросил Сирил, спускаясь по лестнице. — Не может ли это подождать? Пит уже дважды звонил к ужину.

Уильям отчаянно взмахнул рукой.

— Пойдемте. Расскажу вам все за столом. Кажется, у меня есть тезка, — сказал он дрожащим голосом через минуту. — Сын Уолтера Нельсона.

— А кто такой Уолтер Нельсон? — спросил Бертрам.